

Выпускники.

Маме.

Мяу. Мяу мяу мяу. Мяу... и т.д.

Если бы я писал эту повесть на кошачьем, так выглядел бы ее перевод. Понимаете? Никаких айсбергов. Только кусочки разломанного льда и всякого хлама. Эта книжка – весенняя речушка. Понимаете?

Автобус затормозил. Водитель объявил, что стоянка 15 минут, и из обеих дверей на пыльную обочину посыпались пассажиры. В придорожном воздухе прозвучало чье-то уверенное "девочки направо, мальчики...". Я остался один под светящимися окнами салона. Мама спала внутри. Слева захрустела упаковка чипсов – это была Катя. Я подошел к ней, и она стала кормить меня из рук. Спустя несколько молчаливо-хрустящих минут я, разглядывая редкую, поросшую кустарником придорожную посадку, еле слышно спросил:

- Слушай, у тебя нет такого чувства, как будто за тебя уже все решили?

- Ты о чем?

- Ну знаешь... поступление и всякое.

- Вообще-то. Я сама решила в бауманку поступать. – отчеканила Катя, пытаясь в темноте отыскать мои глаза.

- Да, это я знаю, но у тебя нет такого чувства?

- Ты спал?

- Нет.

- А я спала. Тебе нужно поспать.

Она не всегда такая. Мне тогда и самому не слишком хотелось говорить. Мы устали и ежились от свежего загородного воздуха. Чтобы согреться, я обнял ее за плечи. Мне нравилось ее обнимать. Я обожал ее волосы. Даже когда они лишались своей природной кучерявости. Я любил их. А еще то, как она рассказывала про этого двинутого Арсения – у нее как будто огонек внутри загорался. Вы бы ее видели... Она его "терпеть не могла". Да и я тоже. Он изучал бабочек в заповеднике и писал на эту тему какую-то толстенную серьезную работу. Я его спрашиваю – ты что ж, бабочек

ловишь и дырявишь булавкой? Нет, конечно. Он их только фотографировал. Дырявить бабочек было для него слишком.

Автобус ехал набитый под завязку торгашами. Завтра они снова заполняют рынок всяким барахлом, которое теперь везли с собой. От их сумок несло резиной, пылью и сложенным вчетверо малиновым галстуком. Уснуть не удавалось. Всю ночь на полной громкости крутили какой-то идиотский сериал, который, по словам моей соседки "ну ты только посмотри это прям про нас...". Ночь растягивалась безвкусной жвачкой, но стоило наконец заснуть, автобус остановился. Мы с мамой вышли у строящегося торгового центра в нескольких кварталах от дома. Рубашка прилипла к спине, на улице гасли последние фонари. Мы шли мимо больничного городка. Между невзрачных панелек вставало июльское солнце.

- Куда ты так несешься?

Мама отставала, и я почему-то не стал оборачиваться, а только поправил на плече вечно сползающий ремешок бесформенной черной сумки.

- Не ожидала тебя здесь увидеть!

- Что? - эта чертова музыка, казалось, запикивает мои слова обратно. Катя подошла ближе и, убрав руки за спину, прижалась к моему уху:

- Говорю, не думала, что придешь. У нас там коньяк.

- Погоди, мне нужно кое-кого найти.

- Она с Арсением. Наш столик.

Она указала изогнувшись к небесам пальцем в сторону забора. Та часть площадки не была освещена. Компания располагалась за пластиковым столом с дыркой для зонтика посередине, в которую все старались попасть пустыми пластиковыми стаканчиками - у нас их уйма осталась с выпускного. Катя почти сразу куда-то исчезла, а я сидел и слушал о медицинских университетах, порогах и условиях, длинных коридорах, обрюзгших студентах, скучных преподавателях в марлевых штанах и рубашках с бесконечными карманами. Я рассказал, как мы лежали в красной комнате. Там в углу стояла гипсовая бледная голова Ленина истекающая алой тряпкой. На двухэтажных кроватях спали родители и их гениальные дети. Кто-то спросил, тот ли я самый учительский сынок? В ответ я почему-то кивнул и, дотянувшись до бутылки, изрядно приложился.

Клетка - так называлось место нашего культурного отдыха. Располагалась наша компания в темноте у самых прутьев. Освещенной оставалась площадка с

навесом в самой середине. Под лазерными проекторами вспыхивали прямоугольники широкоплечих кавалеров, изгибы открытых спин с выступающими позвонками, обтянутые тонкой материей бедра появлялись и тут же пропадали в толпе. Огоньки сигарет мелькали, как падающие звезды - самое время чего-нибудь загадать.

Мне надоела болтовня за столом, и я запрокинул голову. Редкие освещенные листья выступали плесенью на фоне темного летнего неба, пятна которого ложились прохладной ладонью на мои покрасневшие от дыма глаза. Одни и те же мысли носились по кругу все быстрее. Тихий час в деском саду я и девочка напротив отыскиваем в своих кроватках торчащие нитки, вытягиваем их, собираем в плотные слюнявые комочки и бросаем друг в друга. Как же ее звали? Теперь я должен был вытащить свою торчащую персону, послюнявить, скрутить и отправить куда-то. Где Катя? Сама решила. Да, я тоже решил.

Я отлучился, а вернувшись, никак не мог отыскать этот чертов стол с дыркой. Я шатался вдоль баров. Встречаясь с кем-то криво улыбался. Несколько раз прошел насквозь дергущуюся в танце толпу и, наконец, встретил Соню. Пучком волос на макушке она поддерживала одну из четырех железных колонн, которые в свою очередь поддерживали навес над танцполом. Мы медленно двигались под популярную тогда дрянную поп-композицию и оба молчали. Я старался вспомнить последние несколько дней в Москве, чтобы рассказать ей хоть что-то. Мысли расплзались. Что я мог рассказать? Голова слегка кружилась, я то и дело налетал спиной на обтянутую как сарделька кружевным платьем девушку. Голос какого-то невыносимого кривляки проносился над толпой и без конца твердил:

Сердце в руках так дрожало тогда

Я хотел все отдать, ты хотела мечтать

Вокруг вспыхивали лица. Меня скоро здесь не будет. Это закончится быстрее, чем надоест. Я видел Арсения. Он прижимал ее к себе под скользящими разноцветными лучами. А я зубами стягивал салатový браслет с запястья.

Зачем ей все шелка, цветные облака?

Зачем все это? Зачем?

Подходили гимназисты, которых я видел сто раз, но не был знаком лично. В этот вечер мы обнимались, угощали друг друга выпивкой. Я заказал несколько шотов в баре, но, не дождавшись, оставил скомканные бумажки на стойке и сорвался по широкой лестнице вверх к выходу.

В парке музыки почти не было. Прислоняясь к дереву, я переставал ее слышать - я слышал ветер. На скамейках обнимались парочки, вдоль узких темных дорожек продавали розы по 150 рублей и огромных розовых зайцев. Какой-то кретин

еле стоял на ногах, и чуть не валился, когда его тянула куда-то девушка в коротком платье. Свободной рукой он протягивал бумажки толстой бабе с кошельком на поясе и целой заячьей ротой у ног на расстеленном грязном пледе. Я шагал среди деревьев. Среди перевернутых на спину пауков, сучивших кривые мохнатые лапы в подсвеченное небо. Они раскачивались, сплетаясь над моей головой, а я, как сумасшедший, бродил по старому парку, не узнавая его. Спустился как минимум вечно, когда я наконец отыскал нужные ворота и оказался на крохотной стоянке, над пустыми улицами висело окоченевшее солнце. То есть луна. В стороне стояли три такси, и я упал на заднее сиденье того, что меньше остальных напоминало папину машину.

Мы успели проехать полпути, как я осознал, что платить нечем. Родители наверняка уже спали, и я, не выдавая признаков жесткой алкогольной интоксикации, извинился и со всей своей природной вежливостью попросил отвезти меня к двухэтажному кирпичному дому в конце 217й. Откуда я знаю номер? Тише-тише. Езжайте, пожалуйста, до конца.

Юля расплатилась с таксистом, а я хохотал, опираясь спиной на облезлые железные ворота их дома. Я кричал таксисту, что непременно верну ей эти деньги. Спи, мол, спокойно, приятель, спасибо за службу! На прощание он ослепил меня фарами, а я заявил, что если она откажется меня целовать, я заберусь на дерево и спрыгну прямо на их забор, как Безруков. Она была рыжей, и мне, конечно, ничего не светило. У нее в комнате из стен торчали головки гвоздей. Как-то мы наматывали круги по Северному, а она рассказала про одного парня. Он должен был стать летчиком. Он называл швабру дамой сердца и знал половину города. Он говорил ей, как тепло зимой в гараже. Он говорил, что повезет ее кататься.

- Увидимся завтра?

Я шел домой мимо нашей старой квартиры. Чувствовал себя паршиво. Вечно меня знобит от выпивки. Карман пиджака оказался распорот. Дрожащими пальцами я нащупал в подкладке мобильник – немного отлегло. Все десять сообщений были от мамы. Она стояла на кухне и наблюдала, как из чайника валит пар. Остальные в доме давно спали.

Телефон разрывался все утро. Гриня не успел протрезветь. Он стоял в одних шортах под моим окном и угрожал остаться без них. Он звал меня на пляж.

Мы шли по краю грунтовок через поле. Нас обгоняли редкие авто. Солнце палило нещадно. У колонки я намочил футболку и повязал на голову – боль в висках слегка отпустила. Говорить не хотелось и опустив голову, я вглядывался в трещинки под ногами. Раньше по воскресеньям мы с родителями и младшим ходили в церковь. К этому часу обычно заканчивалась исповедь. Наступала полная тишина, в которой

люди медленно опускались на колени, скрестив на груди руки, а через мгновение открывались царские врата. Я как-то спросил у священника – что такое ад? Он улыбнулся. Может хохотнул внутри, но по-доброму, наклонился и прошептал на ухо, как будто это был его личный секрет – попробуй сегодня после причастия прогуляться по рынку.

Мы лежали в тени старой ольхи. Искрящиеся капли бусинками срывались с бледной кожи в песок. Подул легкий ветер, и мои тонкие веснушчатые руки покрылись мурашками. Я тряхнул головой, и мокрая челка упала на глаза. У воды какой-то кроха носился за собакой в красивом светло-коричневом ошейнике. Гриня, казалось, успел протрезветь и сосредоточенно уставился в экран мобильного. Не отрываясь, он показал, что в восторге от моего общества:

- Где ты пропадал вчера, ненормальный? Ты ВСЕ пропустил. Знаешь об этом? Кстати, у Алекс просто отличная задница... я ее шлепнул пару раз. Она колотила меня по рукам и хохотала.

Я улыбнулся ему, хотя на душе стало неважно. Захотелось пойти еще раз нырнуть, только больше не всплывать никогда. Ведь знает же. Весь город знает! Мы с Алекс любили ходить на стадион. Сначала сидели на западной трибуне и болтали, а в конце декабря ударили морозы, и посреди поля образовался каток. Каждый четверг около шести Алекс ждала меня у входа в своем тонком клетчатом пальто с капюшоном. Заметив меня, она сразу же снимала варежку на правой руке, потому что на катке мы всегда держались за руки, а я вечно являлся без перчаток. Мы часами наматывали круги, она рассказывала, как интересно ей решать задачки по химии, говорила, что станет биологом или кем-то таким. Как-то она спросила, готовят ли биологов в бауманке? Я ответил, что *наверняка* не знаю, однако, мне нравится, как это звучит – Бауманка.

В начале марта потребность в варежках отпала, лед стал рыхлым, и Алекс со свойственным ей оптимизмом заявила, что на таком льду учиться тормозить проще простого. Она учила меня тормозить. Когда я сказал, что еще одного падения моя задница не выдержит, она прицепилась ко мне вагончиком, и мы отправились в раздевалку. У входа разливали чай в двойные пластиковые стаканчики, и я раскошелился на две порции. Дымящийся кипяток приятно согревал ладони. Мы сидели в пустой комнате с небольшим грязным окошком у самого потолка и тем, что было снегом, на бетонном полу. Я расшнуровал коньки и помог Алекс. Она говорила о книгах. Рассказывала мне про "Записки сельского врача" и о том, что сама, по всей вероятности, твердо решила стать доктором. Уже и универ подобрала. Позже вечером я спросил у папы – как ты думаешь, мне обязательно именно в бауманку идти? Нет – ответил он, я тебе уже давно говорю, чтобы ты шел на прикладную математику в ВГУ. В тот день я так и не научился тормозить. Не умею и теперь.

Хотелось заорать. Тонкой палочкой я написал на мокром от моих ног песке ГРИША и обвел сердечком, а потом ткнул ему в бок. Довольно сильно. Не рассчитал. Он просто взорвался. Поносил меня, пока я не предложил заплыв от дальнего поворота. Презрительный отказ он снабдил пожеланием – чтоб за эти штучки меня перекусил кто-нибудь пополам. Шаге на десятом я обернулся. Хотелось спросить кое о чем, но он уже лежал, накрыв лицо мокрым полотенцем.

Подсохшая на солнцепеке трава хлестала ноги. Хотелось смотреть на воду, но я все следил, чтобы никакой членистоногий гад не устроился на моих коленях. Если честно, боюсь я их до одури. Как-то мой дед придумал отличный способ выкорчевать из меня этот страх. Арахнофобия – сказал он, и стало еще страшнее. Метод заключался в том, что я должен был кормить этих тварей всякими мушками. Бросаешь мушку и, пока паук ее оплетает, ни в коем случае нельзя отводить взгляд. А мне и не хотелось его отводить. Даже забавляло. Дед стоял за спиной и повторял – Ну и где же этот черт? Муха дрожала, дергая паутину, и через несколько секунд из молочного туннеля показывались черные мохнатые лапки. Дни летели незаметно. Вон там – вытягивая кочергу в темное летнее небо, он как стрелок прищуривал один глаз – Вон там –Орион. Костер потрескивал у наших ног. Те дни сплющились под весом других. Превратились в слайды диафильма. Бывает, я вскакиваю среди ночи и зажигаю свет. Внимательно обследую стены, заглядываю под кровать, трясую одеяло. В эти минуты я стараюсь не смотреть в зеркало. Я знаю, что увижу там. Я увижу лицо с тех слайдов.

Когда я вернулся, родители завтракали на веранде. Я стряхнул песок с пятки, отодвинул пахнущий морозно-порошковой свежестью тюль и, пройдя к столу, уселся напротив пустой чашки. Я посмотрел на маму – она смотрела на меня. Папа смотрел в сад и, сделав громкий смачный глоток, объявил:

– Кофе на кухне. Тащи сюда. Он наверняка остыл, но на такой жаре вскипит моментально.

Я сидел неподвижно. Он повернулся ко мне:

– Помнишь, в каком году слуги закончились?

Мелкий оживился:

– Слушай, вот ты веришь, что компьютерные игры убивают детей? И что видео на ютубе шлак, а кино "Вокзал для двоих" не шлак? Этих двух не слушай – они литургию пропустили. Между прочим, вчера... он обвел взглядом присутствующих, – вчера они решили, что мой планшет необходимо ДИСКВАЛИФИЦИРОВАТЬ. Он обратился к родителям: – И чтоб я ел вот это??? Это уже один раз ели...

Мама рассмеялась , убрала его отросшие за лето волосы и поцеловала в лоб. Папа улыбнулся. Я глотал ледяной кофе с оладьями из кабачков, а мелкий не отступал:

- Я не знаю, как с ними быть, когда ты уедешь. Тебе точно необходимо уезжать? Может, поступишь к папе?

- В пед? Туда нужно было другие экзамены сдавать.

- Пааап, это можно как-то решить?

- Нет. Теперь нет. Все должны сдавать экзамены.

- А если кто-то не сдал?

- Тогда он пойдет в армию.

- ЧТООО -, он перегнулся через стол - Навсегда?

Город засыпал в теплых июльских сумерках. Я лежал с книгой, которую не читал, на гранитных плитах у памятника Минину с Пожарским. Эта идиллия продолжалась уже часа два, а значит, Юля даже не собиралась придумывать оправдания. Снова одно и то же предложение в десятый раз: «...в Нью-Йорке их было полно, но они всегда выбирались из такси в сопровождении мрачно нависших над ними мужиков...». Какое мне дело? Какое всем дело? Так скучно... Мне надоел этот город, а городу надоел я. Совсем скоро он выдавит меня, как пасту из тюбика. Сдвинутся стены - я побегу. Они продолжают сдвигаться. Дома столкнутся, попадают люстры, разлетятся вдребезги хрустальные лебеди в серванте. Наконец город станет плоским, как эта страница. Книжка-раскладушка. Те же слайды, те же диафильмы. Я перелистнул страницу, но, прочитав новое предложение, ничего не понял. Только бы пройти по баллам.

«В Нью-Йорке их было полно...»

Гранит еще хранил тепло. Я опустил книгу и закрыл глаза. Туман рассеивался. Буквы топорщились со страниц. Я читал их, складывал в слова, но выходила бессмыслица. Я поднял глаза.

- Здравствуйте. Можно ваш билет? -, математичка смотрела так, будто увидела меня впервые. - Лифт будет справа, десятый этаж, спускаться по лестнице. Она взяла меня под руку и потащила в кабину. А это разве не мама? В кабине

- Мам, я как будто уже был здесь.

- Ты это помнишь? Тебе было что-то около восьми...

- Ты пойдешь со мной?

- Нет, подожду внизу... - ее слова глухо обрывались. Тонули. Как обломки моста.

Только теперь я заметил лифтера. Он сидел в дальнем углу на невысоком деревянном стульчике. На голове кепка с эмблемой, которую я никак не мог рассмотреть - очень трясло. Как только двери открылись, он вытолкнул меня в просторный светлый зал с высоким потолком. Люди толпились вокруг чего-то и громко галдели, так что мое появление осталось незамеченным. На стенах были развешаны картины, но почему-то никто не смотрел на них. Я подошел ближе. На стенах висели пустые рамки. В них были заключены прямоугольники белоснежных стен. Целый зал с пустыми рамками.

Я проснулся. Сердце колотилось, как ненормальное, шея ныла. Я не спеша поднялся и сел. На пустой площади уже зажгли фонари. Книга аккуратно лежала рядом придавив клочок линованной бумаги.

Прости, что романтики не случилось. Не думай, что я не способна на нее. Вот увидишь - способна. Я буду писать тебе длинные письма и слать ф отокарточки, назову дочь твоим именем и все такое прочее.

Возвращался я по улице Маркса. Это старая улица. Там никогда не бывает машин - асфальт никудышный. Так что я мог всю шаркать и не оборачиваться. На этой улице жили родители Алекс. Фонарь у их дома вечно не работал. Когда становилось совсем темно, силуэт из белых кирпичиков пропадал, и ты видел бледное пятно, горящие окна второго этажа, а зимой - разноцветные огоньки. У дома я встретил ее отца. Он возился с машиной. Мы пару раз виделись в тренажерном зале и были немного знакомы. Я спросил, как Саша? Он сказал, что она в порядке, сейчас в Питер. Я спросил, о шансах на поступление? Он улыбнулся и сказал, что все будет хорошо. Я тоже улыбнулся.

На перекрестке я все же обернулся. Дом все еще тускло мерцал на краю света. Ее отец вернулся к машине. Я достал телефон. Было темно, и фотография получилась полностью черной. Nokia не слишком подходит для таких воспоминаний.

На следующий день был жуткий ливень. Так всегда после жары. Мама сварила вишневый кисель, я налил себе полный стакан и вышел на веранду. Сад позади большой старой яблони тушевали плотные полосы дождя. Налетал ветер, шурша в окна виноградными листьями, с которых падали крупные капли. Скользя по стеклу, они играли с ветвями дерева в крестики-нолики. Было свежо. Накинув плед, я уселся в

старое скрипящее кресло и принялся листать какую-то книжку. От киселя все еще поднимался пар. Дождь не переставал. Казалось, веранда попала в шторм, который ее вот-вот опрокинет.

Йейтсевская проза меня снова усыпила. Когда проснулся, солнце уже садилось. Такое вот лето. В дверях стояла мама с тазом полным выстиранных полотенец. Виноградное шуршание прекратилось. Я потянулся и, покачиваясь, пошел за ней. Среди деревьев были натянуты толстые проволоки. Я расправлял полотенца. Последние лучи солнца вырисовывали на вафельной ткани мамин силуэт. С прищепкой в руке она вставала на носочки, придерживая левой рукой полотенце.

- Ты сегодня с нами?

- А куда вы сегодня?

- Никуда... просто поужинаем... все вместе.

От постоянных вытягиваний в струнку ее слова прерывались частыми вдохами. У горизонта сверкнула молния. Я по привычке стал считать секунды, но грома так и не услышал. Вдоль забора подергивая лапами, шел рыжий соседский кот. Шерсть не успела до конца просохнуть и местами торчала. Я позвал его. Он посмотрел на меня и пошел обратно. Ласточки расчерчивали небо над верхушками яблонь.

- Дождя, кажется, уже не будет.

- Да, папа сказал, давление растет - она закрепила последнее полотенце и вышла из-за белоснежной ширмы. - Хотя я никогда не понимала, что это означает.

Солнце почти село. Мама устало улыбнулась. Я рассматривал ее лицо. В закатном свете оно было таким же, как на фотографиях из альбома. Пятнадцать лет, казалось, не оставили ни единой отметки. Только вот взгляд стал другим. В ее глазах прибавилось годичных колец. Ступенек, по которым у меня никогда не хватало смелости спуститься.

- Если ты что-то планировал, иди. Сегодня хороший вечер, - подняв пустой таз, она твердым шагом направилась к веранде.

Из открытых окон кухни доносился запах жареных грибов.

- Эй, чувак! Звони в таксо. Я застрял на остановке. Да, льет просто дико. Вызывай, и меня захватите. Попролам. Да у меня у самого сотка! Давай, жду.

Кнопка с красной трубкой перестала работать. Я давил так, что ноготь посинел. Теперь я не могу вешать трубку. Ощущение, как будто снова в чертовых коньках. Тыкаюсь носом в короткие гудки.

Дождь мелкой дробью рассыпался по металлической крыше. Прохладный вечерний воздух заползал под манжеты вдоль запястья. Через полчаса, рассекая волны к остановке подобралась бежевая таврия, и мы в сопровождении маслянистого голоса какой-то певички покатали вдоль изумрудных газонов и подпирающих тучи особняков. Машину тряхнуло. Несколько парней в одинаковых обтягивающих рубашках шагали среди оранжевых пятен фонарного света. Они толкались и что-то кричали. Я отвернулся и посмотрел в Гришино лицо синеватое от экрана мобильного.

- Кто там сегодня будет?

- Все! - он продолжал стучать в телефоне, а я и не думал заткнуться:

- И что там эти все будут делать? В бильярд что ли играть?

- Сидеть будут и смотреть на тебя красавчика. Че за вопросы? - он задумчиво посмотрел на мои губы, разлинованные тонкими трещинками, и, будто воскресив в памяти параграф из учебника, добавил: - Я, кстати, на нуле.

Пока я, преследуемый недобрым взглядом таксиста, шарил по карманам в поисках так необходимой налички, Гриня в вестибюле перед зеркалом поправлял свой стифлеровский чуб. Внутри было душно. Большинство парней играли в бильярд, некоторые примостились с девочками на дутых кожаных диванах. Слушали и кивали. Я взял пиво и расположился на пухлом подлокотнике рядом с Катей. Она приветливо кивнула. Разговор, пошатываясь, то и дело оступался. Катился кувырком туда, где роились мысли о предстоящей осени. О приключении, в которое все друг дружку спешат проводить.

- Ну а я ему - нет дружок, как было уже не будет. Ты не придумывай мне. Думаешь что? Буду бежать после учебы, чтобы поскорее твою башку в скайпе лицезреть? Короче, пока.

- Правильно. Найдешь себе там такого же или выше...

- Ага, там найдешь! Искала вот приемку. Иду, в коридоре не души. Потом вижу - сидит... весь скрюченный трясется. Подмигнула ему - "Этот кабинет содержит уважаемых членов?", а он смотрит, как мокрый щенок, моргает, моргает да как застучит д-да-д-да...

- Вот и у меня та же фигня! Заполняю анкету, напротив препод. Молоденький. А вас, спрашивает, какие предметы интересуют? Какие-какие, говорю, богатые и холостые. Он красный сидит, лобешник свой чешет...